

Наталья КОРИНА

ФРАЗЕОЛОГИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Phraseology in Interdisciplinary Research

**SVĚT V OBRAZECH A VE FRAZEOLOGII II / WORLD IN PICTURES AND IN
PHRASEOLOGY II. LADISLAV JANOVEC (ED.). PRAHA: UNIVERZITA KARLOVA,
2021. 552 s. ISBN 978-80-7603-201-9**

Abstract

A critical review of the scientific anthology *Svět v obrazech a ve frazeologii II* [The world in pictures and in phraseology 2] published in 2021 in Prague (ed. L. Janovec) presents and introduction in its contents and structure to the presented approaches to phraseology research. Mostly pragmatical, cultural linguistic and communicative orientation of the anthology confirms the relevance of interdisciplinary approaches in linguistics. The papers are being considered in the context of actual trends in linguistics, including wide interdisciplinary parallels and critical analysis of certain tendencies.

Keywords: *slavic phraseology, critical review, interdisciplinary research in the phraseology, contrastive phraseology, phraseography*

В сборнике научных трудов *Svět v obrazech a ve frazeologii II* («Мир в картинах и во фразеологии II») объемом свыше 550 страниц собрано 46 статей разнообразной тематики. Их общим знаменателем является фразеология, рассматриваемая в самых разнообразных аспектах – от общих методологических проблем фразеологических исследований до междисциплинарного изучения фразеологии в рамках социолингвистического, психолингвистического, корпусного, переводческого, лингвокогнитивного, этнокультурного и других подходов. Языки статей – английский и славянские. В предисловии ответственный редактор сборника Ладислав Яновец подчеркивает, что данный труд не только является продолжением изданного в 2017 году в Праге выпуска *Svět v obrazech a ve frazeologii I* и расширяет его тематический и методологический охват, но и ставит своей целью продолжить успешное начинание в виде третьего выпуска и предшествующей ему третьей международной научной конференции. Стоит отметить, что первые два выпуска вполне могут заложить традицию и стать отправной точкой не только для дальнейших международных научных конференций, но и для одноименной серии изданий, которая также могла бы внести свой вклад в развитие междисциплинарных фразеологических исследований. Залогом успешного продолжения традиции является преемственность: наряду с авторитетными специалистами в сборнике присутствуют молодые авторы, благодаря которым он приобретает характер диалога научных

поколений. Этим обусловлено и расширение спектра междисциплинарных подходов по сравнению с первым выпуском: здесь присутствуют, в частности, психолингвистический анализ игровой фразеологии (М. Захарова), изучение языка ютьюберов (С. Шнайдерова) и создание интернет-мемов в религиозном медиадискурсе (А. Макарова). Однако прежде чем перейти к анализу представленных в сборнике фразеологических исследований, остановимся на его композиции, которая наглядно демонстрирует многоаспектный и междисциплинарный характер этого выпуска.

Сборник разделен на тематические рубрики в соответствии с представленными в нем исследовательскими областями: *Frazeologie a minulost člověka* («Фразеология и прошлое человека», 5 статей); *Sociolingvistické aspekty frazeologie* («Социолингвистические аспекты фразеологии», 4 статьи); *Frazeologie, kognitivní a kulturní lingvistika* («Фразеология, когнитивная и культурная лингвистика», 6 статей); *Frazeologie, beletrie a překlad* («Фразеология, художественная литература и перевод», 6 статей); *Frazémy v kontaktu* («Фраземы в контакте», 8 статей); *Frazeologie, škola a vzdělávání* («Фразеология, школа и образование», 4 статьи); *Frazeologie a média* («Фразеология и СМИ», 7 статей); *Frazeologie a dialekty* («Фразеология и диалекты», 3 статьи); *Frazeologie, korpus, počítač* («Фразеология, корпус, компьютер», 3 статьи). Относительно небольшое число статей в каждой из рубрик свидетельствует, с одной стороны, о стремлении редакционного коллектива как можно четче обозначить границы тематического разнообразия сборника, а с другой стороны, о широте самой проблематики. Однако даже столь широкий охват областей исследования фразеологии лишь частично отражает возможности ее изучения: фразеология, как и сам язык, многогранна, и с появлением новых научных направлений и исследовательских методов сфера ее изучения все более расширяется. Расширяется и дискурсивная функциональность фразеологии: с развитием виртуальной коммуникации и социальных сетей получила самостоятельную жизнь интернет-фразеология, для которой характерна возрастающая поликодовость; все более обширной становится фразеология таких социальных и профессиональных сообществ, как компьютерщики, геймеры, пользователи соцсетей и коммуникаторов (Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, Telegram, WhatsApp, Viber, Signal и т. д.) и многих других, которых объединяет общий канал коммуникации – Интернет. Поскольку фразеологические номинации носят преимущественно образный характер, их появление в новых дискурсивных сферах свидетельствует об активном освоении этих сфер: образы не возникают одновременно с новыми реалиями, а формируются позднее на базе приобретенного опыта – именно поэтому фразеологические единицы представляют собой косвенно-производные, а не прямые номинации, что также акцентируется в материалах сборника.

Поскольку одни статьи посвящены комплексным явлениям, выходящим за границы фразеологии, другие – узким проблемам частного характера, а некоторые вообще имеют к фразеологии лишь косвенное отношение, было крайне сложно тематически сгруппировать столь разнообразный материал.

Естественным следствием этого явилось пересечение проблематики и методики: статьи, помещенные в разные рубрики, зачастую рассматривают сходные явления либо пользуются одними и теми же методами. Поэтому мы будем анализировать представленные материалы не по разделам, а по принципу общности объекта исследования и применяемых подходов.

Сначала остановимся на исследованиях, представляющих расширение дискурсивного разнообразия фразеологии и подходов к ее изучению. В разделе «Фразеология, когнитивная и культурная лингвистика» помещена статья М. Захаровой «Современная русская игровая фразеология в психолингвистическом аспекте», посвященная семантическим трансформациям фразеологии в результате лингвокреативной деятельности человека – языковой игры. Эта область стала систематически исследоваться лишь в двухтысячные годы, и в ней еще только формируются терминология и методология. В статье рассматриваются фразеологизмы, в которых устойчивые конструкции разрушаются, по образному выражению автора, из постмодернистского стремления «найти что-то новое в мире, где всё уже сказано» – например, *Одна голова хорошо, а две – уже некрасиво*. Для обозначения созданных таким образом языковых единиц автор вводит термин *игровой афоризм* и анализирует механизмы его создания, использования и восприятия в современном русском языке, для чего проводит собственный психолингвистический эксперимент. Новизна исследования заключается как в выборе объекта, так и в применении психолингвистических методов к его изучению, что дает возможность комплексной междисциплинарной интерпретации. Полученные выводы можно обобщить следующим образом. По сути дела, игровые афоризмы возникают аналогично антипословицам, но идут гораздо дальше и «мимикрируют» не только под пословицы, но и под цитаты, литературно-публицистические эпиграфы и т. п., что дает автору основание классифицировать их как квазичитаты и квазиэпиграфы соответственно. Материал актуальный и интересный, но, к сожалению, его обработку трудно назвать методологически последовательной – хотя бы потому, что нет ясности в самой употребляемой терминологии и ее определении: при вводе понятия *игровой афоризм* говорится, что это «фразеологические выражения (по классификации Н. М. Шанского), являющиеся результатом лингвокреативной деятельности носителей языка по переосмыслению классических фразеологизмов всех типов», однако далее автор отделяет их от игровой фразеологии, представленной как более общее понятие, что не соответствует данному определению. В данной статье особый интерес представляют результаты психолингвистического эксперимента, которые показали, что фразеологическая компетенция современных молодых носителей русского языка, оставаясь достаточно широкой на уровне пассивного владения, все более сокращается в сфере активного употребления.

Эти выводы перекликаются с результатами социолингвистических исследований Д. Балаковой и В. Ковачовой, представленными в первом выпуске *Svět v obrazech a ve frazeologii I* и посвященными знанию и употреблению библейской фразеологии студентами-филологами трех стран – Словакии, России и

Германии: несмотря на отличия в соотношении активного и пассивного фразеологического запаса, наблюдается всё та же общая тенденция к снижению фразеологической компетенции молодежи. В анализируемом сборнике *Svět v obrazech a ve frazeologii II* Д. Балакова и В. Ковачова пошли дальше и расширили сферу исследования на фразеосемантическую компетенцию (способность респондентов объяснить значение фразеологизмов) носителей словацкого и чешского языков. Его результаты, представленные в двух статьях в разделе «Социолингвистические аспекты фразеологии» (*Z výsledkov sociolingvistického výskumu biblickej frazeológie – 1 и 2*), наглядно показывают, что даже в близкородственных словацком и чешском языках наблюдаются отличия в развитии семантики библеизмов. В этот раз исследование проводилось на разных возрастных группах, что обеспечило более широкий охват респондентов. Аналогичное социолингвистическое исследование фразеологической компетенции в области библеизмов было проведено на всей территории Чехии – результаты представила в том же разделе Я. Шинделаржова (*Znalost a chápaní biblické frazeologie v České republice podle dosaženého stupně vzdělání jejích obyvatel*), показав, что уровень фразеологической компетенции населения прямо пропорционален уровню образованности: стабильно более высокую компетенцию демонстрировали респонденты с высшим образованием в отличие от тех, кто имел только начальное, среднее или вовсе никакого образования. Получить данные результаты стало возможным благодаря фронтальному анкетированию, которое лежит в основе социо- и психолингвистических исследовательских методик и позволяет охватывать статистически значимые массивы информации, определяя таким образом общие тенденции.

Интерес к библеизмам во фразеологии неизменно актуален, что подтверждают материалы сборника: кроме социолингвистических, в нем также исследуются их переводческие аспекты. В разделе «Фразеология, художественная литература и перевод» им посвящены еще две статьи: «Асноўныя тэндэнцыі пры перакладзе біблейных фразеалагізмаў на беларускую мову» О. Фурс и «Metaphors *Lost&Found* In Translation: A “Genetic” Translation of the Book of Jonah» Р. Богата. Последняя особенно интересна новизной подхода к переводу фразеологии и метафорических выражений, которые традиционно балансируют на грани переводимости и являются «крепким орешком» для переводчика. Р. Богат продвигает идею «генетического» перевода, построенного по аналогии с воспроизводством клеточных структур в биологии: читатель синтезирует метафорический и экспрессивный заряд исходного текста с минимальными искажениями благодаря разложению перевода на три уровня одновременно – звучание текста (передается с помощью транслитерации), буквальный перевод двух видов (подстрочник *word-under-word* с сохранением порядка слов оригинала и подстрочник *word-for-word* с буквальным переводом отдельных слов, расположенных в соответствии с требованиями синтаксиса переводящего языка) и «литературный» перевод (*thought-for-thought*), передающий смысл оригинала. Для этого переводчик должен осуществить работу по идентификации и обработке метафорических структур текста. Таким образом,

«генетический» перевод генерирует целостное восприятие на уровне поверхностных (фонетика и синтаксис) и глубинных (семантика) структур. Идея нетривиальная, но, к сожалению, малоприменимая на практике: у переведенного таким образом текста резко возрастает не только объем, но и сложность восприятия, что в наше время, характерное падением интереса к чтению в целом, может только сократить ряды желающих читать переводные тексты. Кроме того, здесь исключен машинный перевод, что противоречит тенденциям создания переводческих компьютерных технологий. Впрочем, перевод художественного текста, богатого фразеологией и метафорами, по моему глубокому убеждению, компьютер выполнить не сможет – по крайней мере, до тех пор, пока не будет полностью «расшифрована» и изучена работа человеческого мозга, что сделает возможным техническое воспроизведение когнитивных процессов.

Представляя идею «генетического» перевода, Р. Богат указывает, что его исследование выполнено на базе теории когнитивной метафоры Лакоффа – Джонсона, которая находится в русле когнитивной семантики. Когнитивное направление в лингвистике – одно из наиболее неоднозначных, оно отличается значительной терминологической дисперсностью и противоречивостью, что дает постоянные основания для критики. Однако в силу неизменного интереса науки к функционированию человеческого мышления и сознания в сопряжении с языком оно остается одним из самых востребованных междисциплинарных направлений. Когнитивная направленность красной нитью проходит и через сборник *Svět v obrazech a ve frazeologii II*: кроме раздела «Фразеология, когнитивная и культурная лингвистика», по определению содержащего статьи данного направления, когнитивно ориентированный подход декларируется в таких работах, как «Концептосфера писателя сквозь призму фразеологического фонда (на материале языка Л. Н. Толстого)» О. В. Ломакиной и «Культурная идентичность лингвокультурных типажей „ГОРЕЦ/HIGHLANDER“: паремиологический аспект» Н. М. Непомнящих. Когнитивный потенциал устойчивых сравнений показан наряду с другими особенностями в статьях М. М. Вознесенской «СЛОН в русской и английской фразеологии» и Е. Селиверстовой «Ветер не только в голове: метеоним в русской и чешской картинах мира».

Статья «Протодискурсивные условия фраземосемиозиса» Н. Ф. Алефиренко и М. Пужи имеет ярко выраженную теоретическую направленность. В ней подчеркивается, что внутренняя форма фраземы является одной из предзнаковых форм форматирования знания. Из аргументации авторов следует, что именно она участвует в базовых когнитивных процессах – познавательной деятельности человека и обработке ее результатов. Эти результаты сохраняются в виде этно- и культурно-специфичного опыта. Поэтому одной из главных методологических основ обнаружения этноязыкового своеобразия фразем является анализ их внутренней формы, который авторы предлагают осуществлять с опорой на теорию внутренней формы языкового знака, развитую в новейшее время Н. Д. Голевым. Заслуживает внимания тезис о том, что тождественность содержания соотносимых в разных языках фразем при наличии у них разных внутренних форм может наблюдаться потому, что тождественны не внутренние формы фразем, а

их когнитивные модели. Жаль только, что теоретические выкладки авторов практически не подкрепляются конкретным языковым материалом.

Еще один востребованный междисциплинарный подход, представленный в сборнике и основанный на обработке крупных массивов информации, – это корпусные исследования, сочетающие в себе лингвистические и компьютерные методы. Ему посвящен самостоятельный раздел сборника «Фразеология, корпус, компьютер», представляющий возможности современных электронных корпусов с точки зрения вычленения в них сверхсловных единиц разного типа, к которым относятся и фразеологизмы («Databáze víceslovných jednotek v češtině» коллектива авторов М. Гнаткова, Т. Елинек, В. Петкевич и др., а также «Možnosti zkoumání binomiálů v různých textových typech» М. Копршиковой). Однако и в других разделах есть статьи, представляющие исследования на базе корпусов, что подтверждает актуальность данного подхода. Отдельное направление представляет собой создание международных многоязычных баз данных, которое в сборнике представлено, в частности, статьей Т. Толдешы «Příslovní v jazycích střední Evropy na základě údajů z databáze SprichWort». В данном случае считаю необходимым подчеркнуть, что при поиске многоязычных эквивалентов особое значение имеет выбор источников: если целью базы данных является фиксация актуального узуса, необходимо проверять подобранные эквиваленты не только на аутентичность, но и на актуальность, а также учитывать их экспрессивно-стилистические характеристики и при наличии синонимичных единиц приводить в качестве эквивалента стилистически нейтральный. В частности, русский эквивалент латинской поговорки *Навык мастера ставит* в современном русском языке не распространен (его можно найти в словаре М. Михельсона 1896–1912 гг.), гораздо более употребительным является его вариант *Дело мастера боится*, на что я уже указывала при обсуждении русского материала с автором. В целом же многоязычные базы данных имеют несомненную как научную, так и практическую перспективу, и особенно ценна их разработка в области фразеологии и паремиологии.

Не менее широко, чем новые исследовательские аспекты, в сборнике представлены фундаментальные проблемы фразеологии. Одна из них – необходимость диахронического изучения фразеологии, подчеркнутая в статьях Л. И. Степановой («Материалы к историческому изучению чешской и русской фразеологии»), Е. В. Генераловой («Вопрос о варьировании фразеологизмов в истории русского языка»), О. В. Герасимович («Об устаревших значениях фразеологизмов с корнем *-вер-*») и Е. К. Николаевой («К проблеме славянского языкового взаимодействия»). Другой значимой проблемой является идеографическая классификация фразеологии и паремиологии, принципы которой изложил в своей статье В. М. Мокиенко («Фрагмент русско-чешской паремиологической картины мира (поле „Пьянство“»)). Несмотря на частную формулировку названия «патриарх» славянской фразеологии проводит широкие параллели и обобщения. Одним из наиболее важных высказанных им замечаний является указание на амбивалентность языка – во фразеологии и паремиологии отражены не только положительные, но и отрицательные суждения

о материальном и духовном мире человека, поэтому нельзя конструировать фразеологическую картину мира того или иного народа только на базе его положительных характеристик. Добавим, что это особенно актуально в свете распространенных (особенно в истории и современности славянских народов) национально-патриотических спекуляций на фразеологии и паремиологии, когда утверждение национально-культурной специфики образных единиц проводится как доказательство уникальности или исторического приоритета создавшего их народа. (Как раз «расследованию» одного из подобных национальных мифов – значению для чешского национального возрождения фальсифицированных под старину Зеленогорской и Краловодворской рукописей – посвящена в сборнике статья О. Палкосковой «Rukopisy – jediné radělký našeho národního obrození?».) Однако, как убедительно показывает В. М. Мокиенко, зачастую единицы, которые воспринимаются и декларируются как исконные и уникальные, при сопоставительном и историко-этимологическом анализе оказываются заимствованиями.

Одной из нерешенных теоретических проблем остается унификация фразеологической терминологии. В частности, наименования для трансформированных единиц, получивших название «антипословицы». Вопросы установления и дефиниции термина для их обозначения рассматривает Р. Адам (*Prísloví a anti-prísloví: terminologická úvaha*), приходя к выводу, что современная чешская теоретическая фразеология избрала неудачный путь решения этой проблемы.

Представлены в сборнике и проблемы славянской фразеологии. Наряду с необходимостью составления фразеологических этимологических словарей (Л. И. Степанова), обработки диалектной фразеологии (С. Клоферова, З. Мацюк – М. Фенко, А. Г. Тимченко) и издания переводных фразеологических словарей, содержащих актуальные, в том числе субстандартные, единицы (И. Калита), заслуживает внимания проект «Демонимикона славянской фразеологии» – этнолингвистически ориентированного сопоставительного словаря, объединяющего демонологическую фразеологию соседних славянских народов (украинского, польского и словацкого), сформированную на основе традиционных верований (И. Чибор, «Засади лексикографічного опрацювання фразеології, мотивованої слов'янською міфологією»).

Особое место в сборнике отведено дидактической функции фразеологии: материалы раздела «Фразеология, школа и образование» апеллируют к необходимости активно использовать ее в учебных программах как для иностранцев, так и для национальных школ, подчеркивая, что знание фразеологии играет существенную роль в повышении социокультурной компетенции и понимания языка (М. Чехова, «Frazéologie ve výuce – i gramatiku»).

Отдельно следует остановиться на теме «Фразеология и СМИ», которая не случайно составляет один из наиболее обширных разделов сборника: современные медиа покрывают все сферы жизни общества и доминируют в Интернете, создавая в нем новые жанры поликодовых текстов – в частности, фразеологические интернет-мемы, рассмотренные в статьях М. Добровой («О символической функции фразеологизмов в современных медиатекстах»)

и А. Макаровой («Проявление иронии в религиозном медиадискурсе»). Раздел «Фразеология и СМИ» охватывает широкий спектр СМИ от классических печатных журналов (Р. Голанова, «Frazeologie v časopisech pro děti») до современных электронных площадок (кроме уже упомянутых, это «Jazyk českých youtuberů s ohledem na frazeologii» С. Шнайдеровой), а также содержит обзорно-историческую статью М. Шмейкаловой «Frazeologie v médiích – historický pohled», где, кроме печатных СМИ, рассмотрена фразеология в радиопередачах. Характерным компонентом данной исследовательской сферы являются работы, посвященные актуальному политическому дискурсу, среди которых следует отметить статью «Politická frazeologie – na materiálu textů na sociálních sítích», автором которой является Л. Яновец. Анализируя профили ведущих чешских политиков в соцсетях, автор отмечает у них тенденцию избегать фразеологии и делает чрезвычайно интересные выводы: во-первых, фразеология, имеющая образный характер, может по-разному интерпретироваться в контексте, а политику, стремящемуся обеспечить себе электорат, нужна абсолютная однозначность и определенность, которую фразеология может нарушить; во-вторых, целевая аудитория политика включает все слои населения, а в среде людей малообразованных фразеологическая компетенция низка, и они могут отрицательно воспринять или вообще не воспринять насыщенный фразеологизмами текст. Позволим себе добавить, что и среди самих политиков не исключена низкая фразеологическая компетенция. Л. Яновец резюмирует, что достичь максимального персуазивного эффекта политики стремятся при помощи однозначных, четко сформулированных тезисов, лишенных образности. Одновременно автор отмечает другой любопытный феномен современности: практически не употребляя в официальном дискурсе фразеологизмы, политики зачастую сами становятся авторами устойчивых выражений и афоризмов, быстро приобретающих общеупотребительный характер. Это явление широко известно и в России: в качестве полностью фразеологизированных высказываний, прочно «вошедших в народ», можно указать *Моя мама русская, а отец юрист* В. Жириновского и *Хотели как лучше, а вышло как всегда* В. Черномырдина. Афористичность политических высказываний проявляется не вопреки стремлению к однозначности, а благодаря ей: стремясь к лаконичности и понятности, политик «рождает» афоризм. Это лишь доказывает, что устойчивые выражения естественным образом возникают во всех сферах жизни общества без исключения. И это закономерно: фразеология экономит средства выражения, заменяя иногда целую фразу одним ярким образом, в чем проявляется действие одного из основных законов развития языка – закона экономии.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что сборник научных трудов *Svět v obrazech a ve frazeologii II* представляет широкий спектр актуальных исследовательских направлений и теоретико-методологических подходов во фразеологии. Он имеет преимущественно лингвопрагматическую, лингвокультурную и коммуникативную ориентацию, что полностью соответствует запросам общества и обусловленным ими трендам в современной лингвистике, ориентированной на комплексные междисциплинарные исследования.

Естественным следствием такой ориентации является и ярко представленный контрастивный аспект: славянские языки широко сопоставляются между собой, с языками контактирующих с ними неславянских народов – венгерским и немецким, а также с английским и французским. Однако именно при межъязыковых сопоставлениях становится очевидной тенденция к сопоставлению на поверхностном, формальном уровне без учета причин возникновения сопоставляемых явлений и/или их происхождения – аспектов, на важность которых указывают Л. И. Степанова и В. М. Мокиенко. Такое сопоставление, конечно, дает определенную новую информацию, но его эвристическая ценность гораздо ниже, чем могла бы быть, если бы исследователи не просто констатировали найденные соответствия, а пытались определить, что стало причиной их возникновения. Так, отмеченная в статье З. Когоутковой «Srovnání vybraných českých a slovinských frazémů s komponentem pojmenování hmyzu» полная эквивалентность чешской фраземы *bleší trh* и словенской *boljši trg* 'блошинный рынок' (русский эквивалент тоже полный!) становится абсолютно закономерной, если указать, что *блошинный рынок* – это интернационализм французского происхождения (*marché aux puces*), заимствованный всеми европейскими языками в данной форме. Точно так же указание на русское соответствие *Человек – мера всего сущего (всех вещей)* к английскому *Man is the measure of all things* в статье Н. Ю. Нелюбовой «Представление основных этнокультурных ценностей в русском, французском и английском паремнографическом материале» демонстрирует не что иное, как общее античное происхождение указанных единиц: это тезис Протагора и цитата из диалога Платона «Теэтет», ставшая крылатой фразой во всех европейских языках. В статье, целью которой является определение этнокультурной специфики паремий, было бы эвристически более ценно сосредоточиться на отличиях, а не на общих заимствованиях.

За пределами нашего рассмотрения остались многие материалы, которые также заслуживают внимания, однако ограниченный объем публикации этого не позволяет. Несомненно одно: в сборнике *Svět v obrazech a ve frazeologii II* представлены существенные теоретико-методологические разработки и новые междисциплинарные направления во фразеологии, которые отражают актуальное состояние науки о языке.

Наталья Борисовна КОРИНА
Институт славистики Венского университета
Вена, Австрия
natalia.korina@univie.ac.at
ORCID: 0000-0002-2809-1480

